

*М. В. Кирчанов***КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО МОНАРХИЗМА**

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Поступила в редакцию 06.05.2024 г.

Принята к публикации 15.07.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-8

Для цитирования: Кирчанов М. В. Культура исторической памяти современного немецкого монархизма // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 92 – 105. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-8.

Рассматривается монархизм как форма мемориальной культуры и исторической политики современного немецкого общества. Целью исследования является анализ монархизма как формы исторической памяти. Автор разбирает роль и место монархических интеллектуалов в развитии исторической политики и той мемориальной культуры, которая формируется и развивается в рамках монархического исторического воображения. Новизна исследования состоит в изучении актуального (современного) этапа в развитии монархической идеологии в Германии не как формы политического участия, но как версии развития исторической памяти и мемориальной культуры, основанной на принципах как исторического ревизионизма, так и немецкого национализма. В статье показано, что (1) монархизм в современной Германии формирует и культивирует свои собственные представления о прошлом и истории, (2) историческое воображение немецкого монархизма является формой исторического ревизионизма, так как монархическое прошлое и наследие подвергается последовательной положительной мифологизации и идеологизации в политическом воображении сторонников монархии, (3) монархизм в своем историческом воображении формирует альтернативные версии исторической памяти и мемориальной культуры, отличающиеся от тех версий национальной исторической памяти, которые предлагаются гражданской идентичностью. В статье отражено, что монархические формы исторической памяти содействуют дальнейшим трансформациям мемориальной культуры, стимулируя параллельное развитие альтернативных контрпамятей, функционирующих в политических и идеологических координатах монархизма. Предполагается, что визуализация коллективной исторической памяти об уникальном историческом опыте монархии, включая нарративные и дискурсивные тактики и стратегии современных монархистов, содействует актуализации гетерогенного характера мемориальной традиции современной Германии, стимулируя консолидацию уникальных представлений о прошлом, формирующих основу монархического исторического воображения и мемориальной культуры как формы альтернативной памяти.

Ключевые слова: Германия, монархизм, политическая ностальгия, историческая память, политика прошлого, ревизионизм, контрпамять, мемориальная культура

Введение

Большинство современных национальных государств придерживаются республиканской модели развития. Между тем известно, что такие страны как Бразилия, Германия, Австрия, Венгрия, Франция ранее являлись монархиями, но историческая и политическая динамика привели к кризису монархического строя, который мог исчезнуть в результате революций или трансформировался вследствие глубоких политических кризисов, что вело к замене монархического режима республиканским. В подобных странах сторонники монархических идей в современном обществе — маргинальные и миноритарные политические группы в сравнении с другими идеологиями, представленными либерализмом, социальной демократией и различными формами централизма.

93

Таким образом, монархическая идеология не имеет широкой или даже минимальной поддержки со стороны граждан. Вместе с тем во внимание следует принимать, что подобные группы сформировали свои уникальные политические субкультуры. В рамках современного монархизма развивается особая историческая мифология, основанная на актуализации исторической травмы, связанной с утратой власти и намеренной маргинализацией монархических идеологий в республиканских политических системах. Поэтому мы можем констатировать, что современные монархические идеологии можно воспринимать как уникальные формы исторической памяти и связанной с ней мемориальной культуры. Кроме этого, монархизм в современном мире актуализирует такую версию мемориальной культуры, которая является внесистемной, но вместе с тем и оригинальной.

Цель и задачи статьи

В центре представленной статьи находится монархизм как форма альтернативной исторической памяти. Целью автора является изучение монархизма в современной Германии как альтернативной формы исторической коллективной памяти. В число задач входит анализ основных особенностей видения и восприятия прошлого современными монархистами в Германии, изучение особенностей исторического воображения в рамках мемориальной культуры немецкого монархизма и выявление перспектив развития монархической версии коллективной исторической памяти как альтернативной субкультуры в рамках исторической политики миноритарных политических групп в современном немецком обществе.

Методология и историография

В современной междисциплинарной историографии памяти историческая политика рассматривается в качестве одной из многочисленных идеологически мотивированных практик, которые используются государством в лице правящих политических элит в целях формирования, а также последующего поддержания, культивирования и воспроизводства таких коллективных представлений о прошлом [1], которые соответствовали интересам элит или в максимальной степени с ними кор-

религировали. Общей тенденцией в историографии стал неформальный компромисс между историками, вовлеченными в изучение исторической политики, в рамках которого состав участников политики памяти максимально и последовательно ограничивается.

В современной научной литературе такие участники обозначаются как «акторы» или «агенты» исторической политики [2]. Число последних обычно ограничивается лояльными политическим элитам интеллектуалами [3], так как их лояльность относительно четко фиксируется через каналы институционализации политики прошлого или может проявляться в прямом финансировании проведения исторической политики со стороны государства [4]. Современное общество отличается неоднородной структурой и гетерогенным характером. Эти социальные особенности проявляются не только в различном статусе и влиянии на общество политических идей, но и в различных концепциях и видениях истории [5], которые имеют не академический, но преимущественно публичный характер [6].

Отдельные социальные группы и политические движения могут не только быть носителями формально общей национальной гражданской памяти [7], но и иметь свои собственные коммеморативные предпочтения [8], генерируя и воспроизводя их в зависимости от идеологических и социальных контекстов [9]. Поэтому мы можем констатировать, что коллективная историческая память существует не только у больших групп и сообществ, включая нации, конфессии и классы, но и акторов иного порядка. К последним мы относим группы, объединенные по идеологическому признаку. Кроме этого, свои версии коллективной исторической памяти в современном мире имеет армия, полиция и специальные службы [10]. Таким образом, историческая политика развивается разнонаправленно, что фактически институционализируют ситуацию параллельного соразвития и софункционирования различных мемориальных культур [11].

Если формально «мейнстримные» акторы исторической политики имеют свои собственные коллективные представления о прошлом и связанные с ними культуры памяти [12], коммеморативные традиции и реконструкции коллективного исторического и политического опыта, то разные миноритарные группы и сообщества могут иметь свои версии памяти [13]. Критерием для выделения последних является не только этническая или религиозная, но и политическая миноритарность [14]. Память современного общества неоднородна, содержать и воспроизводить разные культуры памяти, степень актуализации, визуализации и презентации которых может быть различной в общественных и публичных в пространствах [15]. В рамках такой неформальной попытки иерархизировать или типологизировать память мемориальная культура современного немецкого монархизма может быть определена как форма альтернативной или миноритарной памяти, значение которой маргинально в сравнении с теми тенденциями развития коллективных представлений о прошлом, которые в ФРГ определяют основные векторы развития исторической памяти.

Исходя из вышеперечисленного, в плане методологии представленная статья актуализирует достижения современной историографии,

сфокусированной на изучении феномена развития, функционирования и воспроизводства коллективной исторической памяти в контекстах междисциплинарности [16]. Поэтому, анализируя формы исторической политики и производных от нее мемориальных культур [17], автор полагает возможным использовать концепции изобретения традиций и воображения сообществ, так как монархизм и его современный интеллектуальный вклад может быть проанализирован именно в рамках этих подходов.

Предполагается, что концепция воображения сообществ позволяет проанализировать, как и каким образом монархические интеллектуалы формируют и конструируют свои представления о прошлом, создавая альтернативные формы политической памяти, которые могут развиваться параллельно друг другу или конкурировать с национальными версиями исторической памяти, которые сформировались вне монархической системы, будучи вдохновленными принципами оппозиционного и альтернативного ей национализма и национального государства. Что касается концепции изобретения традиций, то в ее рамках различные формы памяти следует воспринимать и интерпретировать не просто как социальные культурные конструкты [18], но и как политические и культурные изобретенные традиции, позволяющие использовать мобилизационный потенциал прошлого для решения политических задач.

Монархическое наследие в немецкой политике исторической памяти: общие характеристики

Немецкая историческая память и связанная с ней мемориальная культура отличаются значительными особенностями, которые позволяют выделять их как в европейской, так и мировой перспективе.

Во-первых, если другие европейские памяти и мемориальные культуры, а также исторические политики в большей или меньшей степени актуализируют ресурс не только гражданского, но и этнического национализма, немецкая мемориальная традиция в современной ФРГ, наоборот, основана на маргинализации националистического воображения, в противовес которому культивируется идентичность, основанная не на национализме, а на гражданском активизме и коллективной ответственности.

Во-вторых, такая ситуация стала следствием институционализации той коллективной политической травмы, которую немецкая идентичность получила в XX в. в результате прихода к власти НСДАП, ее репрессивной политики и осознания ответственности за начало Второй мировой войны и связанных с ней военных преступлений, а также преступлений против человечности, в первую очередь — Холокоста.

В-третьих, учитывая столь негативную динамику развития коллективной памяти, Германия стала одной из первых стран в мире, где историческая политика стала компонентом государственной системы, что проявилось в целенаправленной проработке прошлого.

В-четвертых, такая политика памяти сфокусирована на актуализации в мемориальной культуре моментов, связанных с тоталитарным и авторитарным опытом диктатур НСДАП и СЕПГ.

В-пятых, в такой ситуации для исторической политики Германии характерна тенденция к значительной хронологической редукции проработки прошлого, что ограничивает активность агентов исторической политики преимущественно обращением к событиям XX в. работой в публичных и общественных пространствах почти исключительно с их образами.

В этой ситуации место и роль памяти о монархическом опыте выглядит маргинально в сравнении с политически и идеологически мотивированными интерпретациями и актуализациями опыта и травмы авторитаризма и тоталитаризма.

**Вспоминая 1871 год в 2021 году,
или Почему не состоялась «проработка прошлого» монархии
в мемориальной культуре**

Память о монархии в современной немецкой мемориальной культуре, с одной стороны, и в исторической политике, с другой, заметна в значительно меньшей степени чем травмирующая память о национал-социализме или политическом авторитаризме ГДР. Тем не менее игнорирование монархии в общей перспективе развития мемориальной культуры и культуры исторической памяти, как полагает автор, — неверное допущение, которое ведет к редукции гетерогенных представлений о прошлом. Несмотря на то, что центральными и системными элементами в современной немецкой мемориальной культуре являются образы и нарративы, связанные с памятью как травмой (две мировые войны, диктатура НСДАП и СЕПГ, Холокост, военные преступления) или памятью как преодолением травмы (объединение Германии), монархические мотивы в функционировании мнемонических пространств периодически подвергаются актуализации.

Последняя масштабная попытка визуализации в публичных и общественных пространствах памяти о монархии имела место в 2021 г. в связи с 150-летием событий 1871 г., которые привели к появлению Германской империи. По мнению немецкого аналитика Э. Конце, несмотря на попытки стимулирования амнезии в отношении империи, ее маргинализации и архаизации, монархическое прошлое сохранило свое значение для развития как немецкой идентичности, так и коллективной памяти. Эккарт Конце полагает, что «дебаты об Империи и ее месте в истории Германии велись и ведутся, но дебаты о национальном государстве 1871 г. с самого начала были нацелены на настоящее. Это была — и есть — историческая дискуссия о самопонимании среди немцев в 21 веке» [19].

В этом контексте представления об Империи и ее образы, то есть фактически исторический и политический монархический опыт подвергается инструментализации, а история превращается в ресурс для решения политических задач. Поэтому объективные кризисные тенденции в развитии и функционировании современной мемориальной и поли-

тической культуры немецкого общества (рост правого популизма, снижение доверия к власти, партийный кризис и т. д.) содействуют росту внимания к истории Германии в рамках монархической модели, так как «империя 1871 г. обсуждалась не как исторически закрытая эпоха, а, как предьстория современности, как история, которая все еще — или снова — проецируется в настоящее» [19].

В такой ситуации немецкой мемориальной культуре в отношении монархии в большей степени начинает проявляться политически и идеологически мотивированная ностальгия. Агенты политики памяти культивируют нарратив, согласно которому «до 1914 г. в Германии люди жили хорошо, по крайней мере, становились лучше; страна была на правильном пути благодаря политике Вильгельма II... царил мир — вплоть до Первой мировой войны, которая была навязана Германии» [19]. В этом контексте в восприятии монархического прошлого в начале 2020-х гг. стали заметны новые тенденции, связанные с определением роли национализма. Поэтому в мемориальной культуре стали в большей степени заметны нарративы, согласно которым «немецкое национальное государство не только было возможным, но и оставалось совместимым с 1871 года, не будучи дискредитированным национал-социализмом» [19].

Особенностью ситуации стало то, что история монархии не была подвергнута ни радикальной ревизии, ни реабилитации, и ей не было отведено новое место в мемориальной культуре, основанное на увеличении ее видимости. Параллели между 1871 и 2021 г. стали поводами для немецких интеллектуалов констатировать наличие «мрачной тени» монархического прошлого [20], которая свидетельствует об опасности национализма [21], втягивая интеллектуалов в войны памяти [22], содействуя еще большей идеологизации и политизации истории.

Таким образом, обсуждение монархического / имперского опыта в исторической политике в начале 2020-х гг. было не более чем поводом для дискуссий в отношении тех травм, которая немецкая память и идентичность получили в XX в. в результате тоталитарного и авторитарного опыта. В такой ситуации немецкая мемориальная культура, в функционировании которой участвуют множественные акторы, оставила образы монархии в почти исключительном ведении или академической исторической науки, или политически и идеологически мотивированных интерпренеров истории, представленных монархистами, для которых актуализация монархического прошлого через формирование его положительного образа имеет основополагающее значение.

Мемориальная культура немецкого монархизма

Коллективная память современного немецкого монархизма основана на идеализации монархического прошлого Германии, а сторонники монархической модели развития в современных публичных и общественных пространствах склонны ссылаться на авторитет «магии монархии и социально-политической власти короны» [23]. В рамках исторического воображения монархизма Германская Империя подвергается значительной идеализации.

В рамках исторического воображения современных монархистов «глобальное пространство памяти бросает вызов национальному государству как законному вместилищу коллективных воспоминаний» [24], что ведет к актуализации монархической альтернативы нации-государству. При формировании исключительно положительного образа монархии в рамках монархической модели памяти подчеркивается, что «монархическая форма правления предлагала наилучшую возможность отдать должное всем группам населения. Король был королем меньшинств, представляя их законные интересы. В кризисные времена монарх как независимая личность имел возможность указать на общие точки зрения и защитить слабых» [25].

По мнению историков памяти, «начиная с последней четверти XX века, политика памяти сводилась к отходу от самовосхвалительных национальных нарративов в направлении продвижения космополитической памяти, вращающейся вокруг формального признания национальной вины и преступлений против человечества в прошлом» [26, р. 254]. Фактически одной из форм подобной памяти стала мемориальная культура современных монархистов, которые подвергают ревизии большие нарративы национальной памяти в целом, продвигая альтернативные версии контрпамяти. История и память, как показано в современной междисциплинарной историографии, фактически «демонстрируют разные феноменологические черты. Первая основана на предпосылке, что к прошлому можно подходить как к удаленному во времени объекту бесконечных измерений, что делает его доступным для изучения посредством использования рациональных и объективирующих методов исторического исследования. Вторую, напротив, лучше понимать не как объект, но как прошлое в исторической концепции» [27, р. 54].

В случае с восприятием прошлого в рамках монархического исторического воображения и формируемого в его рамках мемориальной культуры концепция становится не исторической, но политической. Именно поэтому, идеализируя Германию как монархию в той форме, в которой она существовала с 1871 по 1918 г., современные немецкие монархисты склонны акцентировать внимание на том, что именно тогда была «создана современная демократическая монархия. Немецкая корона создала одно из самых современных государств в мире того времени с парламентом, возникшим в результате свободных выборов... в этой монархии был применен принцип разделения властей. Корона представляла собой символ единства и свободы. Благодаря немецкой императорской короне Германия достигла единства в 19 веке» [28].

Созданную в 1918 г. республику монархисты склонны демонизировать, в отличие от идеализируемой монархии, настаивая, что она была вдохновлена «пустыми старыми фразами XIX века» [29], что, по их мнению, превращает республику в нелегитимное государство [30]. В рамках такого видения монархии современные немецкие монархисты в своей версии мемориальной культуры склонны противопоставлять монархию и республику, в чем проявляется общая политическая и идеологическая направленность современных стратегий актуализации прошлого, практикуемых в рамках монархического дискурса.

Критика республики в монархической мемориальной культуре

Дихотомия «монархия / республика» современными монархистами в Германии проецируется и на региональный уровень. Например, в Баварии именно монархия и ее наследие ассоциируется с «настоящим государством, которое благодаря своей 1400-летней истории, 800-летнему труду Виттельсбахов и культурному наследию проживающих здесь племен — старых баварцев, франконцев, швабов — сформировало государство граждан» [31]. Республиканская модель развития в историческом воображении монархизма позиционируется как опасность для идентичности, так как Бавария оказалась «под все большей угрозой в своих природных, культурных и исторически сложившихся характеристиках из-за политико-централистских, структурных и социальных изменений нашего времени» [32].

В монархической мемориальной культуре история, которая протекала в рамках республиканской модели, воспринимается идеалистически, интерпретируясь исключительно в негативном контексте. Так, монархическая мемориальная культура становится элементом «динамики популистской политической деятельности, так как монархисты используют конкретные, идеализированные и исторически укоренившиеся нарративы о прошлом страны» [33, р. 253]. Поэтому история XX в. монархическими интеллектуалами редуцируется до «разочарований, демифологизации мира, культурно-революционного гнева, который свирепствовал с 1789 года и достиг кульминации во всем мире в 1968 году, восстаний против якобы традиционных ценностей, табу и авторитетов, фактической переоценке всех ценностей во всех сферах жизни» [34].

Ликвидация Пруссии современными монархистами воспринимается как историческая травма. Поэтому в монархическом историческом воображении особое место занимает идея о реставрации Пруссии путем объединения федеральных земель Берлин и Бранденбург [35]. Более того, по мнению современных монархистов, «Германия 1871 года была узаконена революцией 1848 года и блестящей политикой Пруссии под руководством Бисмарка... Сегодняшняя Германия со столицей в Берлине основана на Империи 1871 года» [36]. Идеализируя наследие монархии в ее имперской форме, современные немецкие монархисты, таким образом, склонны использовать ресурсы исторического ревизионизма, отрицая или занижая роль республиканского наследия, и, наоборот, воспринимая монархический опыт как центральный и более важный в схеме национальной истории.

Комментируя подобные метаморфозы развития исторической памяти, Э. Хобсбаум подчеркивал, что «существует сумеречная зона между историей и памятью; между прошлым как обобщающими нарративами, открытыми для относительно беспристрастного рассмотрения, и прошлым как частью воспоминаний или фоном собственной жизни» [37, р. 3]. В такой ситуации мемориальная традиция современного немецкого монархизма подвергается постепенной антропологизации. Поэтому, по мнению монархистов, только в прошлом, когда Германия была монархией, существовала «реальная социально-политическая альтернатива, так как монархия была способна создать объединяющую связь вокруг

различных социальных групп и, таким образом, не только предотвращала раскол или распад общества, но и предотвращала экстремизм, а благодаря своим международным семейным связям монархия также являлась гарантией сплочения Европы» [38]. В этом контексте мемориальная культура монархизма функционирует как ностальгия или может быть редуцирована до определенных ее форм и проявлений [39], сфокусированных именно на последовательной и положительной идеализации монархического прошлого, которое оказывается в тени трагических моментов исторического опыта, определяющих векторы и траектории функционирования коллективной памяти и воспроизводимой в ее рамках мемориальной культуры.

Ностальгия как компонент исторической памяти

В случае с монархическим историческим воображением ностальгия — это не только «намеренный политический акт, направленный на позиционирование себя как политического существа в более широком мире, хотя и с использованием очень слабых возможных возможностей, с целью представить изменения в отвергаемом настоящем. Ностальгия не просто подтверждает утрату прошлого (независимо от того, существовало ли это прошлое на самом деле), но указывает на сопротивление политическому статус-кво или его неприятие. Ностальгия... может тогда указывать на конкретные политические действия, поскольку она отражает отсутствие потенциала граждан» [40].

Современные монархисты в рамках предлагаемой ими модели исторической и мемориальной культур склонны актуализировать ее общеевропейское измерение, указывая на то, что «Корона 1871 года была основана на старой императорской короне “Священной Римской империи немецкой нации” и, таким образом, призывала к объединению Европы. Корона являлась гарантией идентичности в Европе, представляя ценности христианского Запада» [28]. В этом контексте современный немецкий монархизм представляет собой форму политически и идеологически мотивированной ностальгии, которая в первой четверти XXI в. стала важным фактором развития исторической политики. В связи с этим во внимание следует принимать и то, что «ностальгия нарастает, когда современность оказывается в состоянии кризиса. Начиная с 1980-х годов широко распространено мнение, что повышенное внимание к прошлому было вызвано упадком или концом современности. На смену современности пришел постмодерн, экономическому росту — упадок, индустриализации — деиндустриализация, а вера в прогресс сменилась верой в ушедший золотой век» [41]. Последний в политическом воображении миноритарных групп может соотноситься с историческими формами государства, в том числе — с монархией.

Усилиями современных монархистов формируется особая версия монархической памяти как репрессированной и ранее преследуемой, так как деятельность монархистов с 1933 по 1945 г. была «запрещена нацистами в самом начале их тирании... Во время нацистской диктатуры монархисты одними из первых подвергались политическим преследованиям и все чаще оказывались в группах сопротивления» [38]. В рамках

современной монархической мемориальной культуры период национал-социализма описывается через призму травмы. На развитие именно такой версии памяти направлен проект «Rückkehr der Namen» [42], сфокусированный на большей визуализации в публичных и общественных пространствах Германии жертв национал-социализма, включая монархистов.

Кроме этого, в монархическом воображении особое внимание уделяется тем историческим фигурам, которые претендуют на статус отцов нации в рамках продвигаемого монархистами альтернативного пантеона. Особое место в исторической памяти монархизма занимает фигура принца Рупрехта (1869–1955), сына последнего баварского короля Людвига III, который, по мнению монархистов, был «убежденным баварским патриотом, так как в трудные годы Веймарской республики он стал олицетворением идеи баварского государства и его последовательного неприятия национал-социализма» [43]. В этом контексте монархическая версия исторической памяти в определенной степени утрачивает свой уникальный и, вместе с тем, маргинальный характер, приближаясь в общенациональной версии мемориальной культуры, критическое неприятие тоталитаризма для которой является одной из системных характеристик.

Выводы

Коллективная память монархизма функционирует как защитный механизм, который предлагает «новые» версии истории, сконструированные в парадигме исторического ревизионизма, склонного к пересмотру и ревизии некоторых фактов прошлого. В рамках такой версии мемориальной культуры монархисты подвергают сомнению как устоявшиеся нарративы республиканской историографии, так и связанные с ними мемориальные культуры. Кроме этого, последовательно пересматриваются исторические мифы, которые сложились в рамках коллективной исторической памяти, ранее развивавшейся в рамках республиканской политической модели.

Таким образом, монархическая форма исторической памяти может быть интерпретирована как альтернативная субкультура или альтернативная коллективная историческая память, то есть контрпамять. Вместе с тем, во внимание следует принимать и то, что роль и значение подобных мемориальных культур в современном мире, как правило, маргинально. Поэтому монархистов как агентов исторической политики мы можем отнести к числу миноритарных или маргинальных политических групп, так как их влияние на основные векторы и траектории развития исторической памяти незначительно. Вместе с тем монархические формы альтернативной исторической памяти оказываются самым тесным образом связаны с развитием национализма и внесистемных радикальных версий националистического воображения, что может содействовать еще большей фрагментации современных обществ и их политических и мемориальных культур.

В целом альтернативные версии мемориальной культуры, связанные с монархическими идеологиями, хотя и являются маргинальными фак-

торами в современной политической культуре, тем не менее формирует уникальную версию коллективной памяти, что указывает на пластичность восприятия прошлого современными политическими и идеологическими мотивированными интерпретаторами. Все эти факторы указывают на важность и необходимость дальнейшего комплексного и междисциплинарного изучения современной коллективной памяти монархизма как уникальной субкультуры в современных мемориальных традициях и идентичностей, которые актуализируют альтернативные видения и понимания прошлого в преимущественно республиканских государствах-нациях.

Список литературы

1. *Aymard M. Histoire et mémoire: construction, déconstruction et reconstruction // Diogène. 2003. №201. P. 5–16.*
2. *Winter J., Prost A. Agents of memory: Witnesses and historians, 1918–2000: how did the memory of the First World War unfold over the course of the twentieth century? // The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present. Cambridge, 2020. P. 173–192.*
3. *Barash J. A. Collective Memory and the Historical Past. Chicago, 2016.*
4. *Baumeister R. F., Hastings S. Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves // Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives / eds. J. W. Pennebaker, B. Rim, D. Paez. Mahwah, 1997. P. 277–292.*
5. *Klein K. L. On the Emergence of Memory in Historical Discourse // Representations. 2000. №69. P. 127–150. doi: 10.2307/2902903.*
6. *Sá C. P. As memórias da memória social // Memória, imaginário e representações sociais / ed. C. P. Sá. Rio de Janeiro, 2005. P. 63–86.*
7. *Bos B. A. Historical Memory and the Representation of History: Forging Connections Between National Historic Sites and Gender History // Conserveries mémorielles. 2011. №9.*
8. *Cubitt G. History and Memory. Manchester, 2007.*
9. *Schuman H., Belli R. F., Bischooping K. La base generacional del conocimiento histórico // Memorias colectivas de procesos culturales y políticos / eds. D. Páez, J. F. Valencia, J. W. Pennebaker, B. Rimé, D. Jodelet. Bilbao, 1998. P. 83–120.*
10. *Moore R. S. Guest Historian's Footnote: Regaining the Army's Memory // Army History. 2016. №101. P. 63–73.*
11. *Neustadt R. E., May E. R. Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers. N. Y., 1988.*
12. *Noël P.-M. Entre histoire de la mémoire et mémoire de l'histoire // Conserveries mémorielles. 2011. №9.*
13. *Landínez D. El uso político de la historia. Una aproximación al discurso de la Revolución mexicana // Polisemia. 2022. Vol. 18, №34. P. 30–47.*
14. *Hoepken W. War, memory, and education in a fragmented society: The case of Yugoslavia // East European Politics and Societies. 1999. Vol. 13, №1. P. 190–227.*
15. *Wiersma J. M. Politics of the Past: The Use and Abuse of History / eds. H. Swoboda, J. M. Wiersma. Wien, 2009. P. 15–28.*
16. *Cohen G. Political Uses of Memory. L., 2009.*

17. Hassner P. Beyond History and Politics. The Need for Conceptual and Ethical Dialogue // Politics of the Past: The Use and Abuse of History / eds. H. Swoboda, J.M. Wiersma. Wien, 2009. P. 71 – 80.

18. Gaunt D., Lane T. Constructions and Instrumentalization of the Past. A Comparative Study on Memory Management in the Region / eds. J. Ekman, D. Gaunt, T. Lane, B. Törnquist-Plewa. Södertörn, 2020. P. 9 – 14.

19. Conze E. Erinnerungskulturelle Rechtswende // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2021. Dezember. URL: <https://www.blaetter.de/ausgabe/2021/dezember/erinnerungskulturelle-rechtswende> (дата обращения: 15.04.2024).

20. Conze E. Schatten des Kaiserreichs. Die Reichsgründung von 1871 und ihr schwieriges Erbe. München, 2020.

21. Geppert D. Neuer Nationalismus? Vom deutschen Bedürfnis, das Kaiserreich schwarzzumalen // Neue Zürcher Zeitung. 2021. Mai 5.

22. Gatzka C. C. Das Kaiserreich zwischen Wissenschaft und Public History // Merkur. 2021. №7. S. 5 – 15.

23. Willkommen auf der Internetpräsenz von Tradition und Leben. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

24. Lim J.-H. Mnemonic Solidarity in the Global Memory Space // Global- E. 2019. Vol. 12, №4.

25. Häufige Fragen. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024). (https://tanzfonds.de/wp-content/uploads/2015/07/Tanzfonds_Haeufige-Fragen.pdf).

26. Couperus S., Tortola P. Historical legacies and the political mobilization of national nostalgia: Understanding populism's relationship to the past // Journal of Contemporary European Studies. 2023. Vol. 31, №2. P. 253 – 267.

27. Schultze-Kraft M. Historical Memory and Its (Dis)contents // Education for Sustaining Peace through Historical Memory. L. : N. Y., 2022. P. 37 – 61.

28. Logo. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

29. Umsturz 1918 – Revolution 1989. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

30. Die politischen Systeme im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation und im Kaiserreich von 1871. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

31. Bayern – unser Land. URL: <http://www.bayernbund-traunstein.de/ziele.html> (дата обращения: 15.04.2024).

32. Bayern – unser Lebensraum. URL: <http://www.bayernbund-traunstein.de/ziele.html> (дата обращения: 15.04.2024).

33. Couperus S., Tortola P. Historical legacies and the political mobilization of national nostalgia: Understanding populism's relationship to the past // Journal of Contemporary European Studies. 2023. Vol. 31, №2. P. 253 – 267.

34. Monarchie im dritten Jahrtausend, Chancen und Risiken, Vortrag von lic. phil. René Häusler anlässlich der Mitgliederversammlung von Tradition und Leben. 20.5.2000, Mainz/Wiesbaden. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

35. Den Staat Preußen wiederbeleben? URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

36. Republik 1848. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

37. Hobsbawm E. The Age of Empire 1875–1914. N. Y., 1987.

38. *Wir setzen der Demokratie die Krone auf!* URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

39. *Davis F. Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia.* L. : N.Y., 1979.

40. *Hawas M. The Politics of Nostalgia: Memory Restructuring in the Eastern Mediterranean.* URL: <https://globalejournal.org/print/pdf/node/2897> (дата обращения: 15.04.2024).

41. *Wienberg J. Chronic nostalgia // Heritopia.* 2021. March 09. URL: <https://www.manchesterhive.com/display/9789198469943/9789198469943.00008.xml?chapterBody=pdf> (дата обращения: 5.04.2024). doi: 10.7765/9789198469943.00008.

42. *Projekt „Rückkehr der Namen“: Wir Dürfen Nicht Vergessen, Was Geschehen Ist. Eltern Konnten Ihre Kinder Nicht Mehr Schützen!* URL: <https://www.bayernbund.de/projekt-rueckkehr-der-namen-wir-duerfen-nicht-vergessen-was-geschehen-ist-eltern-konnten-ihre-kinder-nicht-mehr-schuetzen/> (дата обращения: 15.04.2024).

43. *Kronprinz Rupprecht.* URL: <https://www.bayernbund-muenchen.de/index.php?cid=401&pid=401> (дата обращения: 15.04.2024).

Об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов — д-р ист. наук, Воронежский государственный университет, Россия.

E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

M. W. Kyrchanoff

CULTURE OF HISTORICAL MEMORY OF MODERN GERMAN MONARCHISM

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Received 6 May 2024

Accepted 15 July 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-8

To cite this article: Kyrchanoff M. W. 2024, Culture of historical memory of modern German monarchism, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 92–105. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-8.

The article examines monarchism as a form of memorial culture and historical policy in contemporary German society. The research aims to analyze monarchism as a form of historical memory. The author explores the role and significance of monarchist intellectuals in shaping historical policy and the memorial culture that evolves within the framework of monarchist historical imagination. The novelty of the study lies in examining the current stage of monarchist ideology in Germany, not as a form of political participation, but as a version of historical memory and memorial culture, grounded in the principles of both historical revisionism and German nationalism. The article demonstrates that (1) monarchism in contemporary Germany cultivates its own perceptions of the past and history; (2) the historical imagination of German monarchism is a form of historical revisionism, as the monarchist past and legacy are systematically mythologized and ideologized in the political imagination of monarchist supporters; (3) in

its historical imagination, monarchism constructs alternative versions of historical memory and memorial culture, distinct from those proposed by civic identity. The article highlights that monarchist forms of historical memory contribute to ongoing transformations in memorial culture, promoting the parallel development of alternative counter-memories that operate within the political and ideological framework of monarchism. It is suggested that the visualization of collective historical memory regarding the unique historical experience of monarchy, including the narrative and discursive tactics and strategies of contemporary monarchists, enhances the heterogeneous nature of Germany's memorial tradition, fostering the consolidation of unique perspectives on the past, which form the foundation of monarchist historical imagination and memorial culture as a form of alternative memory.

Keywords: Germany, monarchism, political nostalgia, historical memory, politics of the past, revisionism, counter-memory, memorial culture

The author

Prof. Maksym W. Kyrchanoff, Associate Professor, Voronezh State University, Russia.

E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>